

Дин Ханьбай не отличался деликатностью. Прежде чем задать вопрос, он не задумывался, не заденет ли человека, а задав — не утруждал себя сожалениями. Он просто постучал по каменной плите:

— Я научу тебя. Будешь учиться?

Это была не домашняя мастерская и не подсобка Юй Сяоцзи, а городской музей с огромным потоком посетителей. И сейчас они не просто вырезали что-то ради забавы, а занимались реставрацией памятника культуры. Цзи Шэньюй, подыгрывая, послушно назвал его старшим братом и склонился над плитой, разглядывая работу с нескрываемым любопытством.

В помещении стояло слабое эхо. Дин Ханьбай начал с пояснений:

— Это ханьский рельеф. Сначала рисунок наносили прямо на каменный конструктивный элемент, а потом вырезали. Фрагмент с тигром почти полностью разрушен, мне придется воссоздать его по материалам, а потом передать реставраторам для состаривания. При экспозиции сделаем соответствующую пометку.

В музее было немало подобных экспонатов, и Цзи Шэньюй понимал, о чем речь. Дин Ханьбай придвинул его ближе и стал терпеливо объяснять:

— Здесь сначала нужно выделить контур низким рельефом, а мелкие детали проработать врезными линиями. В остальных местах обычно используют плоскостное линейное гравирование, контурное углубление, высокий рельеф или сквозную резьбу.

Закончив, Дин Ханьбай без паузы скомандовал:

— Повтори немедленно.

Цзи Шэньюй повторил слово в слово. Такой метод обучения держал его в напряжении. Он замер рядом, впитывая каждое слово, не отрывая взгляда от рук мастера, иногда помогая или запоминая особые приемы Дин Ханьбая.

После обеда зал закрыли для посетителей. Снаружи доносился шум толпы, а они вдвоем погрузились в тишину и резьбу. У Дин Ханьбая затекли пальцы и заныло запястье, мышцы превратились в сплошной комок боли. Когда капля пота, скатившаяся со лба, вот-вот готова была попасть в глаз, Цзи Шэньюй быстрым, легким движением тыльной стороны ладони смахнул ее.

Резьба по камню отнимала массу сил и требовала невероятного контроля над кистью, иначе работа начиналась бодро, а заканчивалась невнятно. Дин Ханьбай вкладывал силу в каждый удар резца уже пять или шесть часов подряд, и в какой-то момент Цзи Шэньюй поймал себя на мысли, что хочет увидеть, как тот работает с тем самым куском фужунши.

Он не мог себе представить, как именно Дин Ханьбай будет обращаться с такой нежной и утонченной породой.

— Старший брат, — спросил Цзи Шэньюй, — как ты собираешься поступить с тем фужунши?

Дин Ханьбай покосился на него:

— У тебя еще хватает наглости спрашивать про фужунши?

В прошлый раз Дин Кэюй сказал то же самое. Цзи Шэньюй подумал: какое ему дело до этого камня? Не он же оставил на нем те четыре царапины. Он решил промолчать и до самого закрытия, когда посетители разошлись, а Дин Ханьбай отложил инструмент, не проронил ни слова. Лишь когда тот закончил, он невольно зевнул.

Дин Ханьбай не стал слепо следовать документации: чтобы облегчить последующее состаривание, он намеренно оставил несколько сколов и трещин. Его рука вместе с плечом ныла от судорог, и он даже не удосужился вежливо попрощаться с сотрудниками музея.

Они вышли на улицу, не евши с самого утра. Стояла изнуряющая жара, ветра не было, и оба выглядели изможденными.

Дин Ханьбай не собирался домой:

— Устал до смерти, надо привести себя в порядок.

Цзи Шэньюй считал, что лучший отдых — это лечь в кровать, и спросил:

— Не домой? Куда ты собрался?

Прямо на улице Дин Ханьбай, опустив голову, ответил:

— А как по-твоему мужики расслабляются? Конечно, раздеться догола и как следует... Если хочешь, захвачу тебя с собой.

Сердце Цзи Шэньюя забилося в бешеном ритме. Он знал, что Дин Ханьбай избалован и заносчив, но не ожидал, что тот настолько распутен.

Ему следовало отказаться, но любопытство взяло верх. Одурманенный, он сел в машину и всю дорогу не знал, куда деть глаза, скрывая легкое возбуждение под маской глубокого смущения.

Учитель, я начинаю портиться, — подумал он.

Учитель, ты ведь тоже не без греха, раз завел меня на стороне, так что не вини меня.

Через полчаса Дин Ханьбай заглушил мотор прямо у обочины, выдернул ключ и выскочил из машины, словно не мог дожидаться. Цзи Шэньюй, опустив голову, последовал за ним. Краем глаза он успел заметить величественную вывеску, сделал несколько шагов по ступеням, готовый вот-вот окунуться в пучину разврата.

Дин Ханьбай внезапно обернулся:

— Ты когда-нибудь ходил в баню?

Цзи Шэньюй растерянно поднял лицо и увидел вывеску — Общественная баня Хуацзинчи.

Это недоразумение оказалось слишком масштабным.

Цзи Шэньюй вошел вслед за Дин Ханьбаем и до самой раздевалки не мог прийти в себя: оказывается, расслабиться по-мужски — это просто раздеться и помыться... А он-то всю дорогу места себе не находил от волнения.

Тем временем Дин Ханьбай уже сбросил рубашку и снял часы. Он щелкнул пальцами перед носом Цзи Шэньюя и бросил:

— О чем задумался? Шевелись быстрее.

Цзи Шэньюй кивнул и начал раздеваться, складывая вещи в шкафчик. Его шкафчик оказался рядом с тем, что занял Дин Ханьбай. Людей было мало, в раздевалке они были одни.

Надев банные халаты, они направились к бассейну. Цзи Шэньюй следовал по пятам, разглядывая настенную роспись в коридоре и шаркая подошвами по ковру:

— Старший брат, почему эта общественная баня такая роскошная?

Дин Ханьбай шел неторопливо:

— В прошлом году ремонт сделали.

Его плечо ныло от боли, он едва мог пошевелить рукой, поэтому отвечал невпопад. На самом деле эта баня была почти ровесницей Юй Сяоцзи, и как бы ее ни перестраивали, она всегда оставалась просто общественной баней, без всяких вычурных названий.

Бассейн был большим, с облицовкой из бледно-голубого мрамора, напоминавшей чистое озеро. Вокруг стояли чайные столики и низкие подставки для вещей. В дальнем углу сидел какой-то мужчина, закрыв глаза, он был настолько неподвижен, что казался неживым. Дин Ханьбай, выбрав место, сбросил халат на подставку и, обернувшись полотенцем, спустился в воду.

Горячая вода окутала его, и он, наконец, смог расслабиться, издав глубокий вздох облегчения.

Цзи Шэньюй тоже зашел в воду, вздрогнув от жара, но, привыкнув, сел в полуметре от Дин Ханьбая. Тот замер, как буддийский монах в медитации: глаза закрыты, кадык не двигается, ресницы не дрожат.

— Старший брат? — тихо позвал Цзи Шэньюй. — Ты что, в нирвану ушел?

Раздался всплеск — мужчина в углу поднялся и вышел. В бассейне остались только они двое.

Не получив ответа, Цзи Шэньюй сквозь густой пар разглядел лицо спутника и спросил:

— Онемел от жары?

Он не был болтлив, но сейчас в нем проснулось озорство. Видя, что Дин Ханьбай молчит, он, используя силу выталкивания воды, подплыл ближе, присел перед ним и, зачерпнув ладонями воду, плеснул ему прямо в лицо.

Дин Ханьбай, не открывая глаз и не меняясь в лице, внезапно взмахнул рукой, подняв целую волну. Цзи Шэньюй, обрызганный с ног до головы, вскрикнул и попытался увернуться, но поскользнулся и чуть не ушел под воду. Дин Ханьбай успел подхватить его той самой больной рукой.

Дин Ханьбай наконец открыл глаза:

— Угомонись.

Цзи Шэньюй вырвался из его хватки:

— А я уж подумал, что твоя душа покинула тело.

Ладонь Дин Ханьбая скользнула по его спине. Мозоли на руках от горячей воды стали мягче, но все равно ощущались необычно. Он сел рядом и вспомнил, как в детстве Цзи Фансуй водил его в баню.

Тогда он был наивным и постоянно боялся, что кто-то в бассейне тайком помочится, поэтому наотрез отказывался идти.

Теперь он об этом жалел.

Настала очередь Дин Ханьбая спрашивать:

— Хорошо? Чего притих?

Цзи Шэньюй ответил вопросом:

— А что делать, если кто-то в бассейне в туалет ходит?

Дин Ханьбай хмыкнул:

— Вода чистая, бассейн не такой большой, как спортивный, сразу заметно будет. — Он бросил взгляд ниже пояса Цзи Шэньюя. — Если кто не вытерпит, мы его заставим все это выпить.

В квадратном бассейне они были одни. Согревшись и расслабив мышцы, Дин Ханьбай потащил Цзи Шэньюя в сауну. Они выбрали первую попавшуюся кабинку, прихватили по бутылке газировки. Цзи Шэньюй представлял, как это будет приятно, но внутри раскаленный воздух едва не лишил его чувств.

Его словно жарили на огне. Он забился в самый дальний угол, подальше от каменки, кожа покраснела, и он залпом осушил газировку.

— Старший брат, — он с завистью посмотрел на бутылку Дин Ханьбая, — я хочу еще одну.

Дин Ханьбай подшутил:

— Денег нет.

У Цзи Шэньюя пересохли губы, он дышал через влажное полотенце:

— Тогда я выйду, буду ждать тебя снаружи.

Дин Ханьбай надавил ему на плечо, пригвоздив к скамье. Цзи Шэньюй не мог ни сдвинуться с места, ни оттолкнуть его грудь.

Ему казалось, что он уже готов, как кусок мяса, и если полить соевым соусом, можно подавать к столу. А этот негодяй Дин Ханьбай взял и плеснул воды на камни — в воздухе стало еще душнее.

— Дин Ханьбай... — он никогда не думал, что назовет его по имени в такой обстановке, — я сейчас отправлюсь к деду Цзи...

Он не успел договорить — в рот ему сунули трубочку. Он сделал глоток газировки и, не дойдя до края, вернулся к жизни. Дин Ханьбай, решив, что достаточно прогрелся, вытащил его из сауны, и эта полуживая рыба наконец-то спаслась.

Цзи Шэньюй думал, что пора одеваться и ехать домой, но их повели в моечное отделение. Перед тем как окатить водой, его уложили на стол и раздели. Он был голоден, измотан, а после сауны еще и страдал от нехватки кислорода, поэтому тупо смотрел в потолок, пребывая в полубреду.

Внезапно на него вылили полведра горячей воды. Какой-то мужчина, одетый в рабочее, облил его и похлопал по груди:

— Кожа нежная, буду помягче.

Цзи Шэньюй лежал нагишом, чувствуя себя жертвой на разделочной доске. Его терли с головы до пят, не пропуская ни сантиметра между пальцами. Мужчина оказался ненадежным и, добравшись до спины, забыл о своем обещании: грубая мочалка терла с такой силой, что боль перекрыла все приятные ощущения.

Дин Ханьбай лежал на соседнем столе, прищурившись. Его взгляд блуждал: то по лицу Цзи Шэньюя, искаженному от боли, то по его покрасневшей спине. Ему показалось, что Цзи Шэньюй похож на тот кусок фузунши — такой же нежно-розовый, гладкий, словно уже законченная скульптура, которую сейчас полируют до блеска.

После бани они помылись, переоделись и ушли. Когда они вернулись в раздевалку, Цзи Шэньюй так устал, что пальцы онемели. Стоило ему снять халат, как Дин Ханьбай ахнул:

— Спина не после бани, а как будто после гуаша!

Цзи Шэньюй открыл рот, но от усталости не нашел слов.

Хотел выругаться, но Дин Ханьбай улыбался, а на улыбку не поднимешь руку. Пожаловаться на боль? Не стоит того, к тому же Дин Ханьбай не его отец и не учитель, вряд ли у него хватит терпения слушать.

Уже совсем стемнело. Дин Ханьбай с сожалением произнес:

— Если бы я был один, снял бы номер наверху и остался ночевать.

Цзи Шэньюй подумал, что в следующий раз он точно с ним не пойдет.

Дома они пропустили ужин, не осталось даже обедков. Дин Ханьбай, не стеснясь, начал канючить у Цзян Шулю ночной перекус, дойдя до того, что запел песню про маму. Цзян Шулю, не выдержав, закатала рукава, приготовила две порции яичного супа и велела отнести одну Цзи Шэньюю.

Дин Ханьбай принес чашку в маленький дворик и сел за каменный стол:

— Цзи Жемчужина, выходи!

Из-за того, что он недопил газировки, голос звучал хрипло, но властно. Цзи Шэньюй выбежал в футболке и шортах, его колени и локти розовели от недавней бани, а губы блестели от жира — видно было, что он уже что-то ел.

Цзи Шэньюй признался:

— Тетя оставила мне лепешку.

Дин Ханьбай с грохотом бросил палочки. Эта Цзян Цайвэй, кто ей вообще роднее? Совсем совести нет. Цзи Шэньюй, испугавшись, что тот злится, поспешил принести лепешку. В свете луны и фонаря они собрали импровизированный ужин из супа и лепешек.

Оба были голодны и ели молча, лишь слышался звук пережевывания. Когда все было съедено, палочки Дин Ханьбая покатались по столу и упали, отчего Цзи Шэньюй вздрогнул.

— Ты чего? — Дин Ханьбай не знал, смеяться или плакать.

Цзи Шэньюй прошептал:

— Как-то раз я искал еду ночью, а тетя как раз встала воды попить. Я уронил палочки на кухне, она услышала.

Цзи Фансюй всегда считал, что ужинать нужно лишь наполовину, поэтому в доме никогда не

готовили лишнего. Цзи Шэньюй в то время как раз рос, и ночной голод был невыносим. Дин Ханьбай спросил:

— И что она сделала, когда слышала?

Цзи Шэньюй поднял палочки:

— Ничего.

— За «ничего» так не вздрагивают, — Дин Ханьбай, поддавшись любопытству, решил расковырять старую рану. — Она тебя ударила?

Цзи Шэньюй посмотрел на куст сирени:

— Она дала мне пощечину.

Дин Ханьбай взорвался:

— Да как она посмела?! Ударить за кусок еды?!

Его реакция была такой бурной, что Цзи Шэньюй обернулся. Но лицо его оставалось бесстрастным, ни печали, ни гнева. Он лишь сжал губы и не произнес ни слова обиды.

— Я не должен был воровать еду. — Цзи Шэньюй помнил, как тетя обвиняла его мать в распутстве, а его самого — в воровстве, и возразить было нечего. Он сложил чашки, помыл их и отнес на кухню. Когда вернулся, Дин Ханьбай все еще сидел за столом.

На столе стояли две чашки зеленого чая. Ему пришлось сесть.

Дин Ханьбай отпил глоток и начал двигать чашку по столу, не заботясь о том, что царапает дно. Наконец, он спросил:

— Что в чашке?

— Зеленый чай.

— Что еще?

— Не тяни.

Дин Ханьбай сказал:

— Луна.

Отражение луны в чае внезапно наполнило сердце Цзи Шэньюя. Ему не нужно было поднимать голову, достаточно было просто смотреть вниз. Но это было лишь видение — стоило накрыть чашку крышкой, как все исчезало. Дин Ханьбай, словно прочитав его мысли, накрыл чашку.

Цзи Шэньюй пробормотал:

— Исчезла.

— Она осталась внутри, действует до утра, — Дин Ханьбай улыбнулся. — Дарю тебе.

Ему следовало просто убрать палочки, вовремя замолчать и пожелать спокойной ночи. Но палочки упали, рана вскрылась, и теперь оставалось лишь как-то сгладить углы.

Эта обманчивая луна была слишком скромным подарком, и Дин Ханьбаю стало неловко. Он поднял взгляд и столкнулся с пристальным взглядом Цзи Шэньюя.

— На что смотришь?

Цзи Шэньюй отвел глаза. Ему нравилась эта луна, он находил Дин Ханьбая интересным, но тут же вспомнил его работу с ханьским рельефом. Он видел, что есть мастера и получше, но не хотел признавать поражения. Ему казалось, что в этой живости чего-то не хватает.

Он не был уверен — действительно ли чего-то не хватает, или он просто завидует.

— Старший брат, — нерешительно произнес Цзи Шэньюй, — давай как-нибудь устроим соревнование?

Он не ожидал, что на следующее утро Дин Ханьбай придет к нему с тем самым куском фузунши.

Солнце заливало кабинет, ослепляя. Они сели на соседние стулья, плечом к плечу глядя на камень, все еще не до конца проснувшись.

Был понедельник, Цзи Шэньюй вспомнил:

— Ты разве не на работу?

Дин Ханьбай ответил:

— После вчерашней усталости мне положено два дня отдыха.

Когда Цзи Шэньюй только приехал в этот дом, Дин Ханьбай тоже был в отпуске и ничего не делал, словно Бюро по охране культурных реликвий принадлежало их семье. Он не удержался от вопроса:

— Старший брат, а сколько ты получаешь в месяц?

Дин Ханьбай бросил небрежно:

— На тебя хватит.

Ответ был пренебрежительным. Цзи Шэньюй выпрямился, собираясь возразить, но промолчал. Он жил и учился на деньги Дин Яньшоу, который рано или поздно передаст дело Дин Ханьбаю, так что разницы никакой.

Цзи Шэньюй окончательно проснулся и сосредоточился на камне. Он потер большой палец о указательный — руки чесались. Раньше он не мог рассмотреть его вблизи, а сейчас влюбился с

первого взгляда.

Натуральный материал высшего качества, неудивительно, что Дин Ханьбай тогда пришел в ярость.

Дин Ханьбай хочет соревноваться с ним на этом камне? Значит, ему нужно найти достойный материал.

Цзи Шэньюй потер глаза. Его собственные заготовки из Янчжоу были не больше ладони — качественные, но слишком маленькие.

— Старший брат, — смущенно признался он, — у меня нет такого большого материала, нужно съездить на рынок.

И самое неловкое: он посмотрел на Дин Ханьбая.

— Можешь одолжить мне немного денег?

Дин Ханьбай выложил два листа рисовой бумаги:

— Будем резать этот. Половина тебе, половина мне.

Цзи Шэньюй замер, в ушах зазвенело. Раньше Дин Ханьбай называл их бездарями, а теперь позволяет работать с таким камнем? Если он испортит свою часть, Дин Ханьбай его убьет?

— Старший брат, ты уверен?

Дин Ханьбай посмотрел свысока:

— Для начала ответь, хватит ли у тебя смелости?

Цзи Шэньюй приободрился и твердо ответил согласием. Он принялся растирать тушь, не отрывая взгляда от камня. В голове роились образы, он лихорадочно думал, что именно вырезать.

Пейзажи, люди, животные — вот обычные темы. Нужно было грамотно использовать те четыре царапины и работать сообща. Они оба размышляли, не доверяя дизайнерскому чутью друг друга, и долгое время не обменялись ни словом.

Тушь была готова, бумага расстелена, солнце осветило камень.

Дин Ханьбай присмотрелся к бликам:

— Эти царапины можно превратить в ручей или водопад. Остановимся на пейзаже.

Цзи Шэньюй молчал. Когда Дин Ханьбай собрался рисовать, он остановил его:

— Старший брат, этот материал светится сам по себе, это его преимущество. Если мы не рассчитаем каждый удар, мы его погубим.

Дин Ханьбай понял намек: пейзаж не требует такой прозрачности, значит, это не лучший выбор.

Цзи Шэньюй добавил:

— Если обычная река не подходит, может, Млечный Путь?

Никто никогда не вырезал Млечный Путь, даже мысли такие редко кому приходили. Дин Ханьбай с интересом посмотрел на Цзи Шэньюя, скрывая удивление.

Цзи Шэньюй сказал:

— Одного Млечного Пути мало, но остальное я еще не придумал.

Дин Ханьбай ответил:

— Млечный Путь, мост из сорок, Пастух и Ткачиха, а вокруг птицы.

Теперь очередь Цзи Шэньюя смотреть на него. Чувства были схожими, но признаваться никто не хотел. Дин Яньшоу и Цзи Фансюй уважали друг друга, а у них двоих отношения были сложнее — внешне спокойные, внутри они постоянно соревновались.

В первом раунде победил Цзи Шэньюй — Дин Ханьбай уступил идею с пейзажем. Но при создании эскизов снова возникли споры: структура и композиция у них были совершенно разными. Дин Ханьбай, как последний мерзавец, постоянно толкал его локтем, из-за чего Цзи Шэньюй несколько раз портил рисунок.

Они взяли новый лист. Наступил полдень, камень фужунши сиял, отбрасывая на бумагу разноцветные блики. Цзи Шэньюй не смел коснуться его, словно проходил обряд очищения. Он прикоснулся к камню, и его пальцы окрасились в перламутровый цвет.

— Старший брат, — восхищенно сказал он, — он теплый, но внутри кажется холодным, такой нежный.

Дин Ханьбай поднял голову и замер. Цзи Шэньюй, склонившись над бумагой, был весь в светлых пятнах, даже в глазах мерцали искорки. Его чистые ладони лежали на камне, розовый оттенок ногтей сливался с цветом фужунши.

Ему показалось, что выражение лица Цзи Шэньюя было... тайным и застенчивым.

— Старший брат, — снова позвал тот, — ты ведь сравнивал его с женой?

Дин Ханьбай кивнул. Цзи Шэньюй выглядел как ленивый кот, но стоило ему покраснеть и улыбнуться, как это стало похоже на... на первую любовь.

Цзи Шэньюй погладил камень:

— Недаром говорят, что нет ничего интереснее, чем чужая жена.

— ... — Дин Ханьбай разжал пальцы, признавая поражение перед этим маленьким южанином.

Дин Ханьбай и Цзи Шэньюй просидели в кабинете весь день, пол был усеян скомканной бумагой. Они хотели соревноваться, но должны были работать вместе.

Почти одновременно они отложили кисти. Два листа бумаги легли рядом — на обоих был один и тот же сюжет. Цзи Шэньюй прикусил губу — произвольное движение, но после него стало не по себе.

<http://bllate.org/book/19144/1880217>